

I

СОЮЗНИКИ

*Сколь тьма вездесуща,
столь ярок свет.*

Помоги нам выжить в этом вечном противостоянии. Через страхи и кошмары, обращающие нас во мрак, убереги наши души и разум от гибели. Не позволяй осквернить наши тела.

*Самоотверженная Сара, благослови,
открой путь к свободе.*

Избавь нас от страха смерти...

МОЛИТВА ПРИХОЖАНИНА В ХРАМЕ

Сара Сорель

В этот момент я прекрасно осознавала, что нет ничего важнее на свете, чем сердце богини Эсмиры. Сокровище Дэвлата. Единственное в своём роде. Реликвия, сила которой не поддавалась пониманию. Лишь оно могло нас спасти. И теперь кристалл находился в моих руках.

Пульсация силы достигла меня, но коснулась не тела, а разума. Я пошатнулась, утратив на мгновение контроль, будто собственное тело обратилось в ничто, став невесомым.

Люций схватил меня за локоть, поддерживая. Второй свободной рукой он подхватил погребальную урну, выпавшую у меня из рук.

— Нечисть! Как я могла уронить её? — вырвалось скорее от шока и страха, когда я вновь пришла в себя. Пусть в урне больше не было праха, но это не означало, что она потеряла свою ценность.

Произошедшее на мгновение заставило меня забыть о кристалле, горящем голубым пламенем в руке.

— Могла. Ты прикоснулась к сердцу светлой богини. Полагаю, это достойное оправдание, — заметил Люций, перехватывая удобнее урну. — Владеть кристаллом тяжело. И периодически он может брать верх.

Стоило Морану договорить, как в голове прозвучал крик. Он был истерическим, громким, настолько пронзительным и отчаянным, будто кто-то звал меня, прежде чем столкнуться с самой смертью.

«Сара...»

Он больше не имел ничего общего с голосом Долорес. Это было нечто странное, целый хоровод звуков, сотрясаемый визгом и рыком нечисти, что я слышала не раз. Он заставил меня вздрогнуть, тяжело втянуть воздух, пытаясь сохранить самообладание и не позволить взвившейся тревоге отразиться на лице. Но, сама не заметив, я отшатнулась и упала бы, если бы теневой див до сих пор не держал мой локоть.

В воздухе витал запах металла. Кровь напитала лес, и её аромат разлетелся по округе. Осколок, являющийся частью древней магии, столь же внезапно замолчал, и голова перестала кружиться.

Я забрала жизнь отца, предала орден, заснула на три десятка лет, и по моей вине погибли люди у обители... А меня тревожат голоса в голове. Это просто недостойно и смешно. Нелепо.

— Брать верх?

— Если ты умрёшь, кристалл рассыпется. Эта часть легенды правдива. До использования теневого сердце вело себя так... Ты ведь слышала, что осколок вошёл в моё тело?

Я кивнула, обдумывая кусок вернувшихся воспоминаний о той ночи, когда я случайно услышала беседу Фредерика и Изабель Ларак о нападении на Северный орден. В ту ночь брат должен был отправиться к месту, где разбили лагерь даэвы ордена Сорель. Ныне в том месте разверзся Второй раскол.

— Оно реагирует на твои мысли и желания... — Люций убрал руку с моего локтя, опуская урну в яму.

Его лицо скрыли тени. — И не желает покидать хозяина.

Моран поднялся, посмотрев на меня. Его глаза показались мне частью созвездий, пронзавших светом тёмное небо.

Люций неожиданно улыбнулся одним уголком губ.

— Мы с ним похожи. Я тоже больше не хочу тебя отпускать.

Люций был так откровенен, а меня до сих пор заставляло теряться то, что происходило между нами. Мне было легче искать в нём слабости, пока он оставался врагом, и доверять, как самой себе, когда являлся лишь другом.

Я ещё не произнесла ни звука, как повисшая тишина встревожилась, нарушившись треском веток, хрустом песка и свистом рассекаемого ветра.

— К нам кто-то приближается, — сказал Люций, опередив меня. И одновременно с его словами в этих посторонних шумах стала узнаваема характерная тональность. Если слышал их не раз, не составляет труда понять, когда ревенант спешит по твою душу. Конечности нечисти коченели и были не такими подвижными, как у людей. Но они наливались силой, а кожа твердела, словно обернувшись броней. Полностью обратившиеся порождения тьмы преодолевали одним прыжком несколько метров, и в такие моменты воздух содрогался от мощи их рук и ног.

Всего несколько секунд, и под сияние водорослей Духовного озера из глубины леса и по берегу к нам выскочили несколько тварей с почерневшей кожей и горящими алыми глазами. Они не принадлежали этому миру. Порой мне казалось, что ревенанты вообще пришли с той стороны портала, а не были прежде людьми.

Но среди множества предположений и легенд происхождение монстров никогда не вызывало сомнений. В отличие от источника теневой силы. Даэвы выдвигали теории о том, что Серый мир — изнанка нашего.

Его сумрачная сторона, куда попадают наши негативные сны и мысли.

Я отклонилась, увеличивая расстояние между мной и Люцием. Едва не наступила на погребальный камень Долорес, раздавив один из алых ликорисов у её могилы. Спрятав сердце богини в мантии, я обнажила меч, готовая к сражению.

Твари появлялись со всех концов леса, окружавшего озеро. Несколько тёмных стремительных силуэтов неслись к нам с противоположного берега. Они двигались, топорно шевеля окоченевшими конечностями.

Они бежали так, точно за ними гналась сама смерть, хотя сами были мертвецами и несли гибель.

Сглотнув, я втянула воздух, наблюдая, как серая сталь наливается мерцанием силы.

«Сколько их? Десять? Может, чуть больше», — подумала, пытаясь сосчитать всех.

В моём прошлом отряд даэвов собирался, чтобы справиться с одним ревенантом, в исключительных случаях — с двумя...

Но теперь их было в разы больше, и они напали на двоих даэвов. Их словно что-то влекло. Они будто обрели разум...

Лицо Люция исказилось, как если бы его злил сам факт того, что мы оказались в западне. Он вскинул руку, и тьма взвилась в воздух сотней воронов. Ночь утратила краски, полностью обращаясь во тьму, подобную той, что царила в самых глубоких пещерах Дэвлата. Тени заскользили по водной глади, закружились ураганом, хлынув во все стороны и закрывая собой небо. Вороны не впитались тьмой в изменённые тела. Они пикировали, выклёвывая алые глаза и терзая тонкие шеи — одно из слабых мест ревенантов. Воплощённые существа не могли остановить нечисть, но замедляли её.

Прежде чем один из монстров достиг нас, Люций поднял свой меч.

Терпеливый — клинок, названный качеством, которое хотел обрести Люций. И он его обрёл. Меч, как

и прежде изящный и элегантный, так и остался без каких-либо украшений, столь часто встречавшихся на эфесах оружия даэвов. Но всё же он больше не был идеальным. Я не знала, как так вышло, но его остриё сверкало щербатым краем — у меча образовался крупный скол.

Оружие засияло, как не должна сиять чёрная сталь. А после потухло, став чернее бездны, и прежний свет показался мне лишь наваждением. Воздух засвистел, и первый монстр рухнул к нашим ногам — чёрная кровь заблестела на острие меча, а остекленевшие глаза некогда живого человека уставились в пустоту.

Казалось, если взглядеться в них, можно было узнать какую-то тайну.

Алые угли глаз потухли, и я рассмотрела выдвинутую нижнюю челюсть с заострёнными зубами и подбородок, залитый липкой багровой кровью с кусочками прилипшего к коже песка. Тварь была голой и полностью обратившейся. Этому ревенанту был не один день.

Меч теневого то и дело со свистом рассекал воздух. Я словно оказалась в центре урагана под именем Люций Моран. Его сражение — свирепый танец, необузданная стихия, крушащая всё на своём пути. Я любовалась его боем и чувствовала укор своей гордости. В нашу встречу в лагере у озера Спокойствия я осудила теневого дива за то, что он наслаждался боем. Сама же, только лишившись своего превосходства и навыков, осознала, как люблю эту силу. Держать нить своей судьбы в собственных руках — это власть, и это есть свобода.

Битва почти завершилась, а мой Туманный так и не вступил в бой.

Голова последнего монстра отлетела, с плеском упав в озеро. В воде, подсвеченной голубыми водорослями, словно разлитые чернила, растворялась отравленная кровь, от которой за долю секунды прямо на глазах растения умирали — блекли, теряя свет, а после вовсе исчезали во мраке илистого дна. Яд растекался в святых водах, напоминая о том, что принесут с собой монстры: погибель всему нашему миру. И даже даэвам

придётся прятаться подобно крысам. Мы боялись, что люди забудут о нас или восстанут против и уничтожат. И все страхи сбывались сейчас лишь потому, что светлые неусыпно держали их в своих головах. Отец Фредерика дал толчок их воплощению.

На какой-то миг всем моим вниманием завладела эта картина, но раздавшийся кашель заставил обо всём позабыть. Див стоял спиной ко мне, склонив голову и опустив меч, а грудную клетку Люция сотрясал кашель.

Я приблизилась, касаясь его плеч. Моран едва заметно вздрогнул. Обняла его, понимая, что он не желает, чтобы я видела его слабость. Мы были так похожи.

— Ты не дал мне и шанса. Хоть пару монстров мог оставить мне, — прошептала, скользя рукой по его спине. — Я стану сильнее, чтобы быть опорой, как и раньше.

Ответом на мои слова стал хриплый вдох. Я сглотнула, обнимая крепче.

Теневая магия разрушает. А в теле Люция её столь много, что хватило бы на десятки мортемов. Ему следовало скорее избавиться от этой силы.

— Эти твари... — Взор скользнул по скрюченным телам и головам, лежащим по берегу. — Они появились из-за кристалла. — Поначалу я хотела спросить, но неожиданно сама всё осознала.

Когда я взяла сердце богини в руки, то услышала их всех. Нечисть чует угрозу? Но разве возможно, чтобы ревенанты преследовали одну цель? Вечный голод — вот что гнало их вглубь материка. И только когда тьмы становилось слишком много, у нечисти появлялись зачатки разума. Но пора было признать: в мире, в котором я проснулась, было возможно всё.

Люций перестал кашлять, и на озере вновь воцарилась тишина, как в те ночи, когда мы вели безмолвные беседы. Я старалась не шевелиться, боясь его потревожить. Мы могли позволить себе несколько минут отдыха. Несмотря на то что диву явно стало лучше, он покрепче обнял меня, положив голову на плечо.

Меня окружили сладковатый аромат мяты и тепло чужого тела. Я оцепенела, почувствовав, как наливаются жаром кожа, — меня смутила собственная реакция на близость.

— Тебе ведь уже лучше? — спросила я, убирая ладонь с его спины.

Позади враждебный орден, вокруг монстры, возможно, нечисть вновь явит себя, а наши соратники ждут дальше по дороге.

— Возможно. Не уверен... Ещё немного, Сара.

— Хорошо, — отозвалась, смиряясь. — В прошлом нас бы за это наказали. — Невольно губ коснулась улыбка. В юности нам подобное никогда бы не простили. Если бы кто-нибудь увидел такую близость между светлой и тёмным, то разразился бы... скандал? Это слово и вполтину не описывает всех проблем и неприятностей. А теперь, кажется, стало всё равно.

В этот миг я вдруг поняла, что не ощущаю тело Люция так, как ощущала остальных. Ни в обители Сорель, ни теперь изменившийся дар не давал о себе знать. Душа не стремилась обрести чужое лицо.

— Многим и в голову это не приходило. — Голос дива прервал мои мысли.

— Что? Наказание?

— Нет. То, что мы настолько близки.

— Насколько близки... — повторила я за ним. — Насколько?

— Брось, Сара. Ты ведь и так обо всём уже догадалась. — Он засмеялся, попытался отстраниться, но я вновь вцепилась в его спину.

— М-м-м?

— Мне надо восстановить самообладание. Не смотри на меня.

Мой ответ вызвал ещё один приступ смеха. Пальцы мои запутались в пепельных волосах. Ему смешно, а я дышать не могла. Для моих эмоций, ставших стократ сильнее, происходящее было слишком.

— А я так переживал, что Сара Сорель перестала реагировать на мои слова. Так тяжело стало её дразнить. Но вот я вновь нашёл то, что не оставляет тебя равнодушной.

— Не смей... при других, — нахмурилась я, не хватало ещё краснеть, как легкомысленная девица, на чужих глазах.

— Не обещаю, — прошептал он, отклоняясь, почувствовав, что моя хватка на его спине ослабла. — Иначе ты, Сара, будешь ещё долго закрывать на всё глаза.

— Портал, в первую очередь мы должны... — начала я, будто повторяя заученную фразу.

— Мы закроем его. Доверься мне, — сказал Люций, а мой взор утонул в радужках цвета луны на небе. Я всё ещё сжимала прядь его волос, едва не светившихся белизной свежесвыпавшего снега. Я смутно помнила снегопад из детства: мы с отцом жили на землях Феросии, и в зимние месяцы там раз в несколько лет выпадал снег.

Борясь с оцепенением, я хрипло проговорила:

— Мне надо закопать могилу.

Люций удивлённо моргнул, будто ожидал услышать всё что угодно, кроме этого. Но положение было достаточно серьёзным, чтобы он не посмел это комментировать, вновь переводя всё в шутку. Отстранившись, он перешагнул через растянувшееся рядом тело. В умелых руках стали появляться печати, одну за другой он рисовал их, почти не глядя.

Я, покачав головой, отвернулась, возвращаясь к потревоженному захоронению и погребальному камню. Люций собирался сжечь тела тварей. Пусть их головы были отрублены мечом, но после этого предать плоть огню вернее всего. Хоть и не очень благоразумно, учитывая, где мы и в каком положении.

Направившись к могиле, я задумалась о том, куда подевался прах. Неужели его поглотил кристалл? Вещь магическая — кто знает, на что он способен. Или же прежний глава ордена Сорель развеял останки, когда прятал сердце.

Опустившись перед ямой с урной, я ощутила зловонный запах горелой плоти: Люций активировал магические печати. Я стала дышать ртом, чтобы хоть как-то спрятаться от этой вони.

Все вопросы остались лишь вопросами. Бросив последний взгляд на пустую урну на дне могилы, я стала сгребать землю голыми руками. Возможно, подсознательно считая свой поступок непростительным по отношению к той, кто меня воспитала, я решила, что не должна беречь себя от грязи и работы.

В какой-то момент Люций перехватил мою ладонь. Он опустился одним коленом на землю. Стоило нашим взглядам встретиться, покачал головой, точно укоряя за предрассудки. А после встал, утянув меня за собой, и чёрная тень, явившаяся из ниоткуда, принялась за мою прежнюю работу, когда мы направились вдоль озера, мимо обезглавленных тел. Запах, висевший в воздухе, вызывал навязчивое чувство тошноты.

Я оглянулась лишь раз, увидев, как теневое существо, созданное магией Люция, возвращает камень на место. И мы двинулись в путь, скрываясь среди деревьев и покидая Духовное озеро.

— О чём думаешь, Сара? — в какой-то момент прервал молчание Моран.

— Ни о чём, — соврала я. — Надо быстрее нагнать остальную группу, — сказала, занимая все свои мысли действительно важными вещами и переходя на лёгкий бег.

Когда мы выбрались из леса на широкий тракт, по бокам которого росли раскидистые кусты светлого тудласи, я снова посмотрела назад, на очертания далёких куполов, серых в ночи.

Обитель Сорель. Мой дом, ставший едва ли не проклятием. Но я всё равно горячо любила те стены и испытывала тяжёлые, противоречивые чувства к своему брату, ставшему главой. Несмотря на все грехи, обитель оставалась дорога моему сердцу. И я знала, что когда-нибудь вернусь туда вновь.

